Последний пассажир

Фильм Алексея Германа-младшего получил одну из главных наград «Киношока», но вызвал раздражение у кинопрессы

Известия – 2003 – 18 сент. – с. 13

Фильм молодого Германа был удостоен на «Киношоке» награды за режиссуру. Напомним, что побывавшая до этого в Венеции картина вернулась в Россию отмеченной «почетным упоминанием» жюри фестиваля. Российская кинокритика встретила и фильм и вести о его международных поощрениях, мягко говоря, с недоумением. Говоря жестче, с неудовольствием.

Юрий БОГОМОЛОВ

Алексей Герман-младший показал нам новую войну

Расхожая претензия пишущих и рассказывающих о фильме состоит в том, что «Последний поезд» слишком похож по языку, стилистике и материалу на картины старшего Алексея Германа.

Вообще-то «Проверка на дорогах» – не самый плохой образец для подражания. Да и как ребенку не походить на своих родителей. В том числе и в художественных устремлениях, в творческой манере? И если начинающий режиссер в порядке подражания большому мастеру демонстрирует вкус к работе с актерами, в искушенности по части владения внутрикадровым монтажом, если он показывает класс освоения кадра во всю его глубину, до самого дна, то и слава богу. Это все очень нелишние в профессии кинорежиссера умения.

Другая претензия, обращенная к фильму: зачем молодой человек с еще очень небогатым жизненным опытом взялся за тему Великой Отечественной войны, которая слишком далека от него и, возможно, непосильна для него?

И вообще, про что картина? Про страдания толстого немецкого доктора в условиях суровой русской зимы? Так он там не очень-то и страдает, поскольку пребывает в каком-то душевно-физиологическом анабиозе. Другие мучаются – по крайней мере, физически. Война идет своим чередом: немцы вешают партизан, партизаны расстреливают немцев, а этот доктор Шварц – уже по другую сторону Добра и Зла, вяло вспоминает некоторые обстоятельства своей биографии, скупо проговаривая свои сокровенные желания на данный исторический момент: хорошо быть лежачим камнем, который обтекает вода.

Да, наверное. Хорошо также, когда и история тебя обтекает, – добавляешь от себя.

Между тем, если отвлечься от привходящих обстоятельств создания картины, от анкетных и метафизических вопросов (кто да зачем снял эту картину), надо признать, что такой войны у нас еще не было на экране. По ощущению, по настроению. Такой усталой, продрогшей, простуженной, безнадежно больной войны. Ее не было и в фильмах Алексея Германа-старшего. В его фильмах были и фронт и тыл. И ясное понимание, где свои, где чужие. И было отчетливое видение границы между жизнью и смертью. И переход ее осознавался и переживался как катаклизм.

В «Последнем поезде» война – это не просто нечто абсурдное, но космос, где нет верха и низа, где все ценности относительны – жизнь ли отдельного человека или целой цивилизации. И совсем другой вид открывается на трагическую участь последнего пассажира с последнего поезда, следующего на войну. Каково человеку, который по природе обязан сознавать себя субъектом исторических процессов, а чувствует себя объектом (лежачим камнем), затерявшимся в неодушевленной космической бездне.

Чеховское: Почему я не чайка, почему я не летаю? Это конец XIX века.

В XXI веке приходится слышать: Почему я не краеугольный камень преткновения?

Собственно, так Великую Отечественную войну можно было снять и прочувствовать после Чечни, которая сидит занозой в нашем массовом подсознании. Есть очень важный признак художественной значительности фильма. Это когда ты с интересом не просто смотришь фильм, но и пересматриваешь его в памяти, когда мысленно возвращаешься к нему.

«Последний поезд» – не кажется последним.

* * *

В этом году почти все удачи российского кинематографа носят дебютный характер – «Старухи», «Коктебель», «Возвращение», «Бумер». И вот еще один успех – «Последний поезд». И вот еще одно старое новое имя – Алексей Герман-младший.